

ном», но и, условно назовем его, «звучащем слове», имеющем музыкальное выражение с определенной духовно-эмоциональной настроенностью. За иконным изображением плачущих Адама и Евы стоит не только словесный ряд, стих, но и мелодия, то пение, которое звучало в трапезной Троице-Сергиева монастыря поздним зимним вечером, перед великим постом, когда монастырская братия просила друг у друга прощения, готовясь к длительному посту и строгому воздержанию. Необходимость поста понималась как результат грехопадения. Широко известное и читавшееся на ту же неделю сыропустную поучение Иоанна Златоуста гласило: «Аще бы от древа удержалася Ева, не быхом сего пощения требовали мы».²⁷

Мысли средневекового человека обращались в те дни к Адаму и Еве, грехопадение которых, по его представлениям, легло, как печать, на жизнь всего человечества. Падший не только Адам, но и каждый человек. В церковных службах этих дней «лик», хор, олицетворяющий всех присутствовавших в церкви, пел: «Возведи от тли живот мой»;²⁸ «Милостиве, помилуй мя падшаго».²⁹

Духовный стих «Плач Адама», пение которого также приурочено к этому времени, — лирический покаянный плач средневекового человека. П. А. Бессонов отмечал, что «подобные песнопения от лица человека, уподобляющего себя Адаму».³⁰

Как же пелся «Плач Адама»? Прежде всего следует сказать, что пение его на мотив былины исключено, так как былинный напев не нуждался бы в раздельноречных «паонных» формах, уже отмеченных нами в рукописи Кирилло-Белозерского монастыря в тексте «старинны за пивом». Слово «старина» употреблено здесь, очевидно, в значении или истинности певшегося, или его традиционности.

Опубликованный перевод «Плача» с крюковой нотации на современную, сделанный знатоком знаменного пения Х. И. Марковым, не оставляет никаких иллюзий относительно будто бы «былинного», «старинны запевом» распева: ³¹«Плач» пелся на один из восьми гласов древнего церковного пения, а именно на восьмой.³²

«Стих „Плач Адама“ распет на 8-й глас, хотя ряд стержневых попевок восьмого гласа не применен, тогда как в служебных песнопениях они, как правило, не опускаются. На принадлежность напева именно этому гласу указывает ряд признаков, прежде всего — окончание „Плача“ на характерной для восьмого гласа „малой кулизде“. Использована также фита восьмого гласа (фита — развернутое мелодическое построение, распевасмое на одном или нескольких слогах с тем, чтобы выделить слово и расцветить и украсить напев. Каждому гласу соответствуют свои фиты). Так называемая „мрачная фита“ восьмого гласа в „Плаче“ не случайна. Распетые слоги „уже“ в словах „Уже яз не слышу архангелска гласа, уже яз не вижу раския пици“ как нельзя более ассоциируются с плачем. „Адамов плач“ содержит ряд попевок восьмого гласа, в том числе такие, как „общая кулизма“, которая здесь почти неизменно повторяется 11 раз».³³

²⁷ Евангелие учительное. М., 1619, л. 32 об.

²⁸ Троиць Постная. Утренняя сырной недели, песнь 6, ирмос.

²⁹ Там же, кондак.

³⁰ П. Бессонов. Калики переходные, ч. 2, вып. 6, Два слова, стр. XVII.

³¹ Н. Финдейзен. Очерки по истории музыки в России, т. I, вып. I, стр. 258—259, примечание к стр. XXII; по рукописи XVI в.

³² В упоминавшихся уже нотных рукописях начала XVII в. из собрания ГПБ «Плач Адамов» значится среди «Покаянных на осмь гласов» под восьмым гласом.

³³ Приведенный анализ напева сделан по моей просьбе Т. Ф. Владышевской и Е. А. Бобковым, которым приношу искреннюю благодарность. Н. Финдейзен ошибочно